

ЛИНГВОПОЭТИКА

«Жизнь и смерть в текстах Андрея Платонова» («Котлован», «Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар», «Дневник»). Работа по восприятию текста с использованием приема «смысловой ход конем»

© Т.Ю. Торопова, 2004

*Кто сейчас расчленил этот сложный язык и простой,
Этот сложенный вдвое и втрое, на винт теоремы
Намотавшийся смысл. Всей длиной, шириной, высотой
Этот встроенный в ум и устроенный ужас системы.
Александр Еременко.*

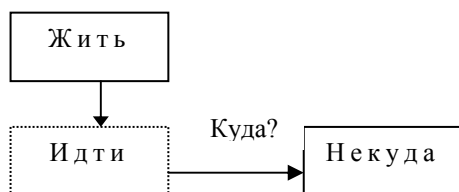
Любая система, как общественная, так и языковая, предполагает следование законам, предсказуемость. То, что является благом для диктатора и для ратора, становится пленом для писателя. Спасение от общественной системы – это всегда *«тщетная попытка»*. Возможно, отчасти и поэтому «жизнь», по мнению Андрея Платонова, – это *«упускаемая и упущенная возможность»*.

Что же касается системы языка, то «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Андрей Платонов спасает себя как писателя, «утопая» в системе языка, т. е. он осваивает не только ее поверхность, но и глубину. В результате чего у читателя появляется шанс обнаружить несметные богатства открытий сокровенного. Для Андрея Платонова отсутствие чего-то «нечаянного в душе» – признак старости. Что-то «нечаянное», неожиданное, способное удивить, остановить внимание читателя, должно быть и в тексте. Внимание читателя останавливается на очевидном нарушении системы языка, которое оказывается объяснимым с помощью прохождения глубинных узальных ходов речемыслительной деятельности.

Читатель сталкивается с необходимостью провести работу по восприятию текста. «Устроенность системы», ее «встроенность в ум» не только писателя, но и читателя в данном случае крепко помогает, и возникает «эффект сопричастности формированию и оформлению текста», а самостоятельно добытые смыслы дороже, с ними труднее не согласиться. Кроме того, восприятие текста не только линейно (по синтагме), но и в глубину (по парадигме) позволяет добыть больше смысла («густой язык А. Платонова»). Попытки подобрать поверхностно узу-

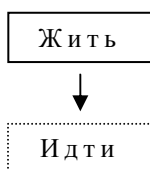
альные синонимичные выражения оказываются тщетными, т. к. поверхностно узуальная фраза не так экономна (не говоря уже о метафоричности) и проигрывает в точности выражения замысла. Самое удивительное в этом, что проделанная работа по восприятию текста настолько превращает читателя в соавтора, что о точности выражения судит... читатель. Проводя работу по восприятию текста, можно воспользоваться приемом «смысловый ход конем». Его суть можно показать на примере анализа высказывания, объясняющего отношение к жизни многих персонажей Андрея Платонова. «*Жить некуда, вот и думаешь в голову*». Здесь два смысловых хода конем (см. сх. 1).

Схема 1. Первый ход.

Ассоциирование по парадигме (см. сх. 2):

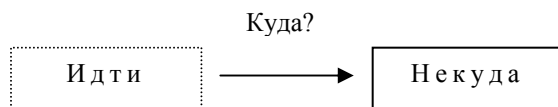
Схема 2.

– основанное на известной метафоре «жизнь – дорога» (“Via est vita”), не отражено в тексте.

Ассоциирование по синтагме (см. сх. 3):

Схема 3.

– находит себе место в тексте. В тексте оказываются зафиксированными начальная и конечная «клетки», на которых «стоял конь», и не зафиксирована та, которую он прошел. Таким образом, при поверхностно аномальном употреблении прослеживаются глубинно узуальные ассоциативные ходы.

Кажется, что этот смысл можно было бы выразить и поверхностно узуально. Например, «*Жить незачем*» (и так же экономно), но при этом,

кроме бесцельности и безысходности, появляется смысл «не стоит», который вынуждает к крайним действиям. Полученное таким образом высказывание (*жить незачем*) логичнее было бы закончить:

... вот и

кончаешь жизнь самоубийством;
пускаешься во все тяжкие;
прожигаешь жизнь и т. п.

Другие, не столь экономные варианты:

У меня нет цели в жизни;
Я не вижу смысла в жизни;
Я не нашел смысла в жизни

— допускают реакцию: не использовал все возможности; быть может, есть шанс. В случае «*жить некуда*» — все варианты, известные субъекту, рассмотрены и отвергнуты. Герой не на распутье, перед тяжелым выбором, а в каком-то месте, где вообще нет дорог (Россия...). Ощущение неподвижности, «*будто темная стена предстала в упор перед его осязающим умом*». Он еще чего-то ждет. Ожидание — одна из метафор жизни («В ожидании Годо» С. Бэкетт). Он ждет, думает, в то время как вокруг звучат бравурные марши, аккомпанирующие девизам «Время, вперед!», «Пятилетку в 3 года!», «Дашь что-нибудь!», например: Днепротэс, т. е. все вокруг стремятся «как можно внезапно выполнить план», имитируя ускоряющееся движение вперед. Платоновский герой задумчиво стоит посреди углубляющегося котлована для общепролетарского дома (могила, об этой ассоциации-метафоре ниже). Какие мысли могут приходить ему в голову? Их можно найти в платоновском тексте, и они кажутся очень уместными в этой ситуации, например:

«Может быть, легче выдумать смысл жизни в голове, может быть, можно коснуться смысла печально текущим чувством, нечаянно догадаться о нем».

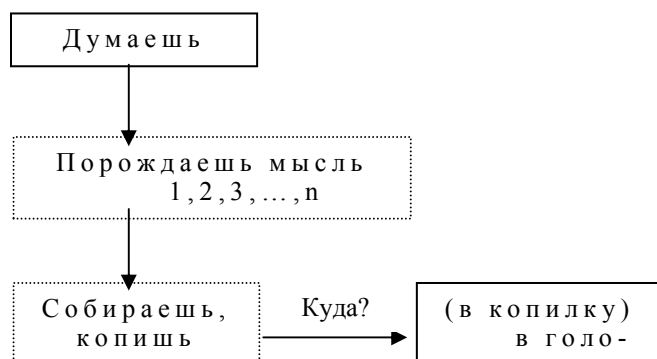
«Лучше я буду думать без работы, все равно весь свет не разрешит до дна».

Второй смысловой ход конем (см. сх. 4).

В данном случае невысказанные мысли человек может собирать, копить, только в голову — единственно возможный вариант копилки для такого случая. То есть мысль родилась в голове и там же осталась. В какой форме эта мысль присутствует в голове героя? На уровне внутренней речи — свернутая, предикативная, практически не вербализованная? Или уже вербализованная и даже слабо артикулированная, про себя? Так или иначе она будет жить, пока герой ее помнит. Ее ждет смерть там же, где она родилась, т. е. смерть в утробе. Возможно, самая загадочная из смертей. Она произойдет, когда герой забудет мысль.

Думать в голову – это даже не писать в стол («Рукописи не горят»): трагизм усугубляется большей безнадежностью сообщения и общения.

Схема 4.

В качестве поверхностно узуальных синонимичных продолжений высказывания можно было предложить, например, следующие:

- ... вот и думаешь;
- ... вот и стоишь в раздумье.

В этом случае вероятно, что герой рано или поздно может поделиться с кем-то результатом своих размышлений. Тогда утрачивается смысл закрытой копилки мыслей, невозможности не только завершения, но даже начала коммуникативного акта, т. к. отсутствует не только слушатель, но и говорящий, а есть одиночество и «*неслышные мысли*».

Мысль – еще одна метафора жизни («*Cogito ergo sum*» – «Мыслю, значит, существую»). Возможно, что для Андрея Платонова эта метафора не является средством усмотрения смысла жизни (метафора – средство усмотрения смысла, по Э. Гуссерлю). «*Я здесь не существую, я только думаю здесь*». Для Платонова «думать» – не значит «жить». Жизнь, по Платонову, – это движение, а здесь остановка, тупик; пространство переходит в Хронос, время. Время, как и мысль, понятие психическое, не пространственное (по А. Бергсону). Ожидание – тоже время. Очевидно, такие способы осмысления жизни, как мысль и ожидание, для Андрея Платонова не работают («*часы терпеливо или силой тяжести мертвого груза*»). Г. Зиммель считает: «Время – есть жизнь, если оставить в стороне ее содержание». Очевидно, именно этого: оставить в стороне содержание жизни – Андрей Платонов и не хочет. А что же он хочет? «*Он узнал желание жить в эту разгороженную даль*». «*Разгороженная даль*» – пространство, предлог «в» + винительный падеж – движение куда?

Собственно говоря, этого («*жить в разгороженную даль*», а даль-то пока загорожена) хочет персонаж Андрея Платонова, а не автор, однако уже не раз отмечалось, что реплики многих героев Андрея Платонова представляют собой части монолога автора. Время, по Платоно-

ву, принадлежит жизни, но не равно ей. Можно «проживать время жизни», «беречь время жизни», как «время трудности» и «время тоски».

В этом кратком высказывании: «Жить некуда, вот и думаешь в голову» — содержатся три метафоры жизни (дорога, ожидание, мысль). Две последние, очевидно, не релевантны для Андрея Платонова, однако они общеизвестны. Из этих метафор первая перечеркнута (некуда); сфера действия последней крайне ограничена (отсутствии коммуникации, фиксации и, наконец, «смерть в утробе»). Остается ожидание. Чего? Того времени, когда будет построен общепролетарский дом и все будут «хорониться в нем от невзгоды» и «безмолвно существовать», «скучное место, куда можно и не стремиться», по мнению Прушевского, куда «пойдут на вечное счастливое поселение трудящиеся всей земли», и «будущий человек найдет себе покой в этом доме». Очевидными кажутся ассоциации с тюрьмой и гробом. Об одном из своих героев Платонов говорит:

«...он еще верил в наступление жизни после постройки больших домов».

Стало быть, сам Платонов уже не верил.

Итак, в реальной окружающей жизни оказывается невозможным осуществить желание «жить в эту разгороженную даль». Реальная жизнь — это тюрьма, плен, и если движение, то к могиле.

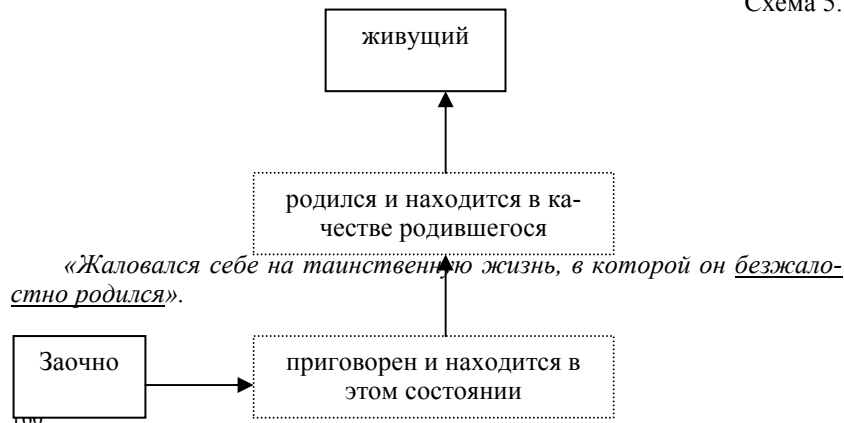
Человек определяет себя как «заочно живущий».

Применив прием «смысловой ход конем», мы увидим следующее (см. сх. 5).

Коммуникативный фрагмент «заочно приговорен» мы воспринимаем как единицу из цитатного языкового фонда, единицу языкового опыта. При этом смысл данного фрагмента платоновского текста интерпретируется следующим образом: в отсутствие заинтересованного лица некто приговорил его родиться (*быть живущим*).

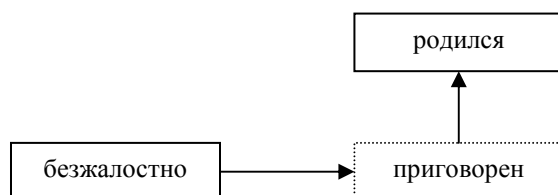
Правомерность представленных ассоциативных ходов подтверждается следующим высказыванием:

Схема 5.

«Смысловой ход конем» выглядит следующим образом (см. сх. 6):

Схема 6.

Языковая память немедленно предоставляет в наше распоряжение некий «осколок» анонимного текста, синтагму, речевой блок, речевой образец (несть числа наименованиям) и укрепляет в правильности выбранного ассоциативного хода.

Метафора жизни-тюрьмы предполагает не только приговор, но и срок:

«Живи, пока родился».

Есть две самые важные даты в жизни человека, обычно мы их видим на надгробной плите (когда родился – когда умер). В приведенном высказывании императивно дается срок («живи»), неопределенный срок, который должен длиться, пока есть только одна дата (когда родился) и не наступила другая (когда умер).

В тюрьме обычно завидуют тому, у кого меньше срок:

«Лучше б я комаром родился, у него судьба быстротечна».

Быстро проходит, протекает, потому что короткая жизнь. Его судьба, так Рок судил (приговор) – иметь короткий срок. Это предмет зависти.

Не все так печально, есть и светлая сторона жизни:

«Скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я».

Казалось бы, что же тут хорошего, если рождение – это приговор, да и живет он как собака. Однако есть слово «благодаря», благодаря которому есть возможность в негативном разглядеть позитивное. Сравним:

«Его знал один только Козлов, благодаря своим прошлым конфликтам».

Аномальное употребление слова «благодаря» позволяет даже в конфликте обнаружить нечто позитивное, иначе не иметь бы Козлову такого уникального знания. «Благодаря» настраивает на поиск позитивного, и мы его находим даже там, где не ожидаем.

Возвращаясь к феномену жизни, постарайтесь и там обнаружить нечто позитивное. Так мы вспоминаем, что есть не только «общая грусть жизни», но и «летний вишневый вечер», и «равнодушие ясной мысли, близкой к наслаждению», а также «время чувственной жизни и видимо-

сти счастья», и способность «заволноваться от дружбы». Конечно, этот позитивный ряд далеко не исчерпан.

А между тем герои Андрея Платонова легко «решают скончаться» «со счастьем равнодушия к жизни», даже не задумываясь над разрешением альтернативы «быть или не быть?».

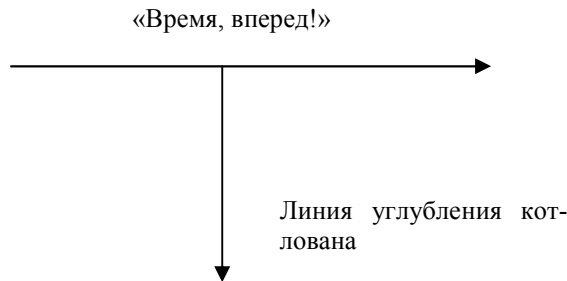
Рассматривается только один вариант: «Либо мне погибнуть?» Решающим аргументом при этом является: «Мною все пользуются, но мне никто не рад».

Есть и уникальный платоновский вариант самоубийства — «устраниться в тишину безвестности». В тишине безвестности находятся камешки, «отсохшие листья», «ничтожный песок», «прах» и другое подобное. Человек чувствует себя родственным этим «предметам забвения», он ощущает себя как камень или даже камешек. Он мертв при жизни. Вспоминается миф о Медузе Горгоне: человек смотрит на окружающую жизнь и — каменеет.

Перпендикулярно линии «Время, вперед!» идет (с направлением — вниз) линия углубления котлована. («Земля поражена ямами», — котлован не один) (см. сх. 7).

Котлован — общепролетарская могила, в которую землекопы отдают свою «излишнюю теплоту» («Люди наполнены той излишней теплотой, которая названа однажды душой»).

Схема 7.

Предположение о наличии в человеке «излишней теплоты» не мешает Ю. И. Левину выдвинуть предположение о том, что «жизнь» у Андрея Платонова «как работа завода». Я бы конкретизировала: не жизнь вообще, а живой человек как работающий завод (даже во время сна).

«Каждое ли производство дает добавочным продуктом душу человека?»

«А если производство улучшить до точной экономии, то будут ли происходить из него косвенные, неожиданные продукты?»

«...пора питаться для дневного труда».

Они жили «отдельно от природы, в светлом месте электричества».

«...по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряженного труда».

«...все тело шумело в питающей работе сна».

И даже «излишняя теплота» здесь уместна, как энергия для производства, если забыть, что это душа.

Когда тело напится для труда, начинается сам труд, который, по Андрею Платонову, состоит в передаче этого «излишнего тепла» мертвому телу мира (мир – «мертвое тело»).

«Обрацал всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам».

«...мог пожертвовать на труд все свое тело».

«... пот слабости капал в глину».

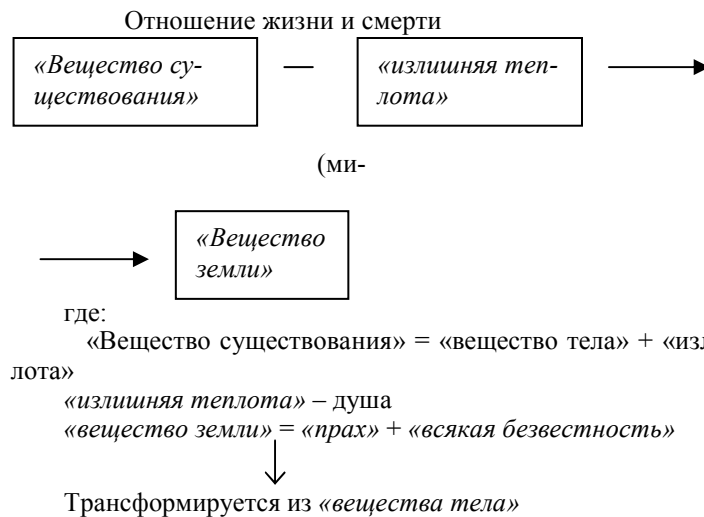
«Он не помнил времени и места, спуская остаток своей тепловой силы в камень, камень нагревался, а Козлов постепенно холодел... ожидая, что кости прорвут непрочную кожу».

«...жизнь уходит как течение дыхания».

И удастся ли «перед смертью не заплакать от тоски тщетности»?..

Думается, что для Андрея Платонова не было бы инородным использование формулы, выражающей отношение жизни и смерти, ведь он науку называл «насуциная наука» (см. сх. 8).

Схема 8.

Эта реакция необратима («безвозвратная смерть»). Андрей Платонов семантизирует смерть как «смирение в земле», превращение в «ничтожный песок» («замертво лежал ничтожный песок»). Он стал «ничто», а был – человек. Несмотря на то, что землекопы Андрея Платонова «привыкли работать», «каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда».

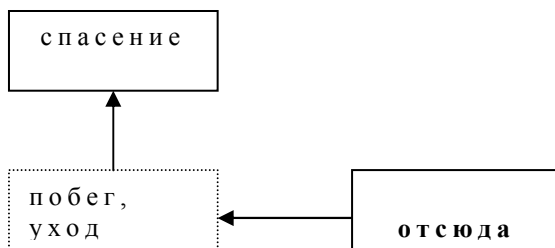
Необходимо замечание о том, что построение фразы по формуле АВ+ВС+CD=ABCD, которое будет продемонстрировано на приведенном высказывании из Андрея Платонова, почерпнуто из исследований Б. Гаспарова. Б. Гаспаров анализирует язык как динамическую систему, основываясь на деятельностном подходе к описанию языка (Ю. Н. Караулов, А. А. Залевская), а также на подходе Л. С. Выготского («речь ребенка строится на основе конкретных образцов»), на мнении Р. Барта о «возможности построения языка синтагм» (у Ю. Н. Караулова – и языка парадигм), на анализе языка как мнемонической среды, на том основании, что в речи существуют речевые блоки, которые мы помним и немедленно узнаем, а «смысл создается при взаимодействии с другими словами».

Представив последнюю фразу из Андрея Платонова как куски «предыдущего языкового опыта», связанные по формуле Б. Гаспарова, мы получим:

$$\begin{array}{rcc}
 \text{Идею будущего (коммунизм)} & & \\
 \text{А} & \text{В} & \\
 \text{будущего} & \text{спасения} & \text{(рай)} \\
 \text{В} & \text{С} & \\
 & \text{спасения отсюда} & = \\
 & \text{С} & \text{D} \\
 & & = \text{ABCD}
 \end{array}$$

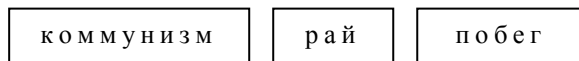
Фрагмент CD *спасения отсюда*, будучи подвергнутыми анализу с использованием приема «смысловый ход конем» может быть представлен следующим образом (см. сх. 9):

Схема 9.

Таким образом, высказывание на ассоциативном уровне выглядит следующим образом (см. сх. 10):

Схема 10.

Можно сказать, что понятия «коммунизм», «рай», «побег» оказываются у Андрея Платонова контекстуальными синонимами, т. к. все они – варианты спасения.

Коммунизм – это «будущее *неподвижное* счастье и детство». Движение к нему мыслится как движение вперед, а там – неподвижность: «от счастья только стыд начнется». А дети? «Он же (ребенок) *весь свет родился окончить*». Дети – конец света. Дети – время. У Андрея Платонова можно «проживать время жизни», но если нет движения, нет жизни, есть только время («мертвый груз»).

«Идея Рая есть логический конец человеческой мысли в том отношении, что дальше она, мысль, не идет, ибо за Раем больше ничего нет, ничего не происходит. И поэтому можно сказать, что Рай – тупик, это последнее видение пространства... с которого прыгнуть некуда, только в Хронос – в связи с чем и вводится понятие вечной жизни» (цитата из И. Бродского). Рай в православной традиции – это блаженство в единении с Богом. Движение туда мыслится как движение вверх, но там движения нет.

По Андрею Платонову, это не вечная жизнь, а вечный плен, возможно, пленительный.

У Андрея Платонова религиозно-коммунистические параллели не случайны, ведь его строители и землекопы «добывают себе жизнь под золотыми головами храмов и вождей». В ортодоксальной России, в православной России уйти от вековых традиций практически невозможно. «Ты его хочешь от бога отучить, а он тебе Собор Революции построит». В религиозной традиции больше притягательного потому, что есть Кого любить.

Строители и землекопы Андрея Платонова понимают, что «наслаждаться как-то еще рано», нужны терпение и надежда (у некоторых есть вера: «счастье наступит исторически»).

Надежда на коммунизм и вера в него должны смениться, по Андрею Платонову, на «стыд» и «безмолвие».

Смысловый анализ текстов Андрея Платонова (отчасти с использованием приема «смысловый ход конем») позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, жизнь, не «вписанная в устроенный ужас системы», – это движение, категория пространственная (не время; не мысль; не ожидание);

во-вторых, реальная жизнь мыслится как тюрьма (отсутствие движения, тупик); если и можно говорить о движении, то это движение к могиле;

в-третьих, с такой жизнью легко расстаться (самоубийство, «устранивание в тишину безвестности» – смерть при жизни);

в-четвертых, выход, провозглашаемый в виде цели – коммунизм, не спасает и не кажется выходом, т. к. это не только тупик, «стыд», «безмолвие», но и конец света, апокалипсис;

в-пятых, идея Рая, которая прочитывается в глубинных структурах текста, осмысливается как будущее спасение «бесцельных мучеников» Андрея Платонова;

в-шестых, живое и неживое сближаются (человек – завод);

в-седьмых, смерть, «смирение в земле», переход «вещества существования» в «вещество земли» происходит при утрате «излишней теплоты» (души) «во время труда»;

в-восьмых, есть в жизни и что-то позитивное.

И, наконец, последнее замечание.

Смысловой прием в работе по восприятию текста, представленный в данной статье («смысловой ход конем»), – не претендует на использование в широких кругах читательской аудитории. Его использование хотя бы в рамках данной работы служит симптомом того, что «линейность ослабляет свой гнет», «современное мышление становится все более нелинейным»; подтверждает слова Жака Деррида: «Мысль странствует в смысловом пространстве», поэтому задача читателя состоит в нахождении ее траектории, отталкиваясь от «следов мысли», представленных на письме.

Л и т е р а т у р а

1. *Белянин В. П.* Психолингвистика. М.: Изд-во Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2001.
2. *Бродский И.* Предисловие к повести «Котлован» // Андрей Платонов. Мир Творчества. М.: Современный писатель, 1994.
3. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
4. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
5. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999.
6. *Кантор К. М.* Без истины стыдно жить // Вопросы философии. 1989, № 3.
7. *Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
8. *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процессов вербализации // Логический анализ языка, противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990.
9. *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее «Котлован» А. Платонова // Избранные труды. Поэтика и семиотика. М.: Школа. Языки русской культуры. 1998.
10. *Михеев М.* В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, толкования, догадки. М.: Изд-во Московского университета, 2003.
11. *Подорога В. А.* Евнух души // Вопросы философии. 1989, № 3.
12. *Субботин М. М.* Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // Вопросы философии 1993, № 3.